

УДК 821.161.1 – 1.09:82.09

В.В. Щербина

ТЕМА ХУДОЖНИКА В ТВОРЧЕСТВЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ И Ю. БАЛТРУШАЙТИСА В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ СИМВОЛИСТСКОЙ ПОЭЗИИ

Русский символизм, заявивший о себе в середине 90-х годов XIX века, развивался, опираясь на определенный круг жизненных и философских идей, принимая и отвергая разные традиции, претерпевая сложные изменения, которые отразились и в творчестве поэтов-символистов, и в их эстетической программе. Русские поэты-символисты взяли многое не только от романтизма и модернизма Западной Европы, но, воспринимая себя наследниками всей мировой культуры, они целенаправленно отбирали в духовном и литературном наследии предшествующих эпох то, что соответствовало их собственным представлениям о сущности бытия, структуре мироздания, о природе и назначении искусства и поэзии. Философские и эстетические взгляды символистов обусловили своеобразие поэтики их произведений, определили особенности стиховых систем, обозначили тематику их творчества, оказали влияние на жанровое разнообразие символистской поэзии.

Пытаясь запечатлеть в лирике неповторимые мгновения жизни, ее безусловные мимолетности, чарующие движения души, поэты-символисты стремились передать в художественном образе таинственную музыку интуиций и чувств. Сложный, самобытный, во многом субъективный и необычайно богатый своими выразительными средствами и приемами художественный мир символизма, был близок творческому гению М. Цветаевой.

«Символизм, – отмечает Л. Колобаева, – притязал на то, чтобы, став всеобъемлющим миропониманием и принципом всей культуры, указать также дорогу к новому «способу существования» человека. В своих эстетических декларациях русские символисты в качестве конечной цели своего движения провозгласили преображенную

“свободную личность”» [9, с. 148]. Как известно, символизм был не однороден по своей природе, но хотя проблема назначения человека и его места в мире решалась представителями старшего и младшего поколения символистской поэзии по-разному, тенденция «расширения личности» выражена в творчестве всех поэтов-символистов.

Цель данного исследования – выявить особенности развития темы художника в творчестве М. Цветаевой и Ю. Балтрушайтиса, обозначить сходство и различие в формировании концепции человека в художественном мире поэзии М. Цветаевой и Ю. Балтрушайтиса в их притяжении и отталкивании с творчеством поэтов-символистов старшего и младшего поколения.

Эстетические взгляды Ю. Балтрушайтиса, русского поэта-символиста литовского происхождения, определили круг наиболее важных тем, отчетливо прозвучавших в его поэзии, – долга художника, творчества, назначения искусства, нравственного подвига человека во имя поиска полноты существования. Исторический процесс понимается поэтом как постепенное этическое усовершенствование общества путем духовного развития, прежде всего, с помощью искусства. Следуя за Вл. Соловьевым и младосимволистами, Балтрушайтис видит в творчестве реальную силу, просветляющую и перерождающую все человечество. Поэтический мир Ю. Балтрушайтиса наполнен размышлениями о жизни человека-творца, о его месте в круговороте бытия.

Тема художника, исключительности его личности, его одиночества в земном мире звучит во многих стихотворениях Ю. Балтрушайтиса. Жертвенная аскетическая личность художника, хранящая духовность, верность нравственным заветам, уединенно высится над холодной равнодушной толпой: «Неизреченно пламя в сердце малом, / И тайный жар в душе неизречен! / Ни жалобы, ни боли своейвольной... / Ни ига зыбкой радости людской... / Лишь кроткий свет молитвы безглагольной, / И знание без мысли и покой» («Восхождение») [2, с. 104].

В поэзии Балтрушайтиса тема долга художника соотносится с мыслью о необходимости готовиться к творчеству. Так в стихотворении

«Напутствие» Балтрушайтис, подчеркивая связь искусства с нравственностью, призывает поэта принять в свою душу «всю скорбь земли»: «В глухом кругу пустынных дней / Будь тверд, будь скор, / Ведь много трудных ступеней / К вершинам гор...» («Напутствие») [2, с. 187]. Поэт подчеркивает, что необходимость следовать нравственному долгу, – внутренняя потребность истинного творца.

Сквозные образы и мотивы, связанные с темой художника, объединяют поэзию Балтрушайтиса с творчеством других поэтов-символистов. Идея пути в творчестве Балтрушайтиса и отношение поэта к теме долга художника и творческому процессу сближает его с позицией А.Блока, чьи стихотворения, по словам Д. Максимова, «насыщены словесными формулами, относящимися к теме пути и обозначениями движения» [10, с. 47].

Истинный творец всеведущ, и потому только он может открыть людям свет истины, которая украсит и преобразит земной мир. В стихотворении Блока «Готов ли ты на путь далекий...» настойчиво звучит вопрос, обращенный к «певцу добра»: «Готов ли ты на путь далекий, / Добра певец, / Узрел ли ты в звезде высокой / Красот венец? / Готов ли ты с прощальной песней / покинуть свет, / Лететь к звезде, что всех прелестней, / На склоне лет» («Готов ли ты на путь далекий...») [5, с. 420].

Тема художника и назначения искусства занимает важное место и в художественном мире М. Цветаевой. Мысль о трагедийности земной жизни человека-творца звучит во многих стихотворениях поэтессы. По мысли, Е. Айзенштейн, «ее глаза, вечно открытые, видящие сквозь веки, исследующие свою душу и мироздание, следящие жизнь духовную, жизнь того света» [1, с. 11]. Вселенная может открыться только перед человеком-творцом, способным прозреть, вчувствоваться и взглянуть на мир иными глазами: «Бог меня одну поставил / Посреди большого света. / – Ты не женщина, а птица, / Посему – летай и пой» («Поступь легкая моя...») [11, с. 455]. Поэтический дар делает лирическую героиню счастливой, дает почувствовать радость жизни и гармонию бытия. Человек-творец не привык сетовать на судьбу. Осознавая свою избранность и непохожесть, он

достойно преодолевает посланные ему испытания, для того чтобы просветлить хаос, сделать истину необходимой, естественной частью души: «Есть счастливицы и счастливицы, / Петь не могущие. Им – / Слезы лить! Как сладко вылиться / Горю – ливнем проливным! Чтоб под камнем что-то дрогнуло. / Мне ж – призвание как плеть – / Меж стенания надгробного / Долг повелевает – петь» («Есть счастливицы и счастливицы...») [11, с. 313].

Для лирического героя Балтрушайтиса страдания, духовные потрясения как порыв в глубину, как особый путь познания и обновления. В стихотворении «Песня» извилистая каменистая тропа символизирует горькие тяготы безрадостной земной жизни человека-творца, отвергающего «безбольный жребий»: «Ввысь отвесно строится / Зданье темных скал, / Негде успокоиться, / Как бы ни устал!» («Песня») [2, с. 49]. Уступы гранитных стен, непреступные скалы, каменистые горные тропы – основные знаки восхождения лирического героя в поэзии Балтрушайтиса. По мнению поэта, каждый человек приходит в земной мир, чтобы совершить некое «восхождение», но особенно дорог Балтрушайтису человек-творец, тот, «кто шаг направила круче». Лишь истинный художник без боязни устремляется в «тишь последней грани», оставляя далеко внизу несовершенный земной мир: «Лишь глубь... Лишь даль, где вьется путь мой малый, / Что я свершал, карабкаясь на скалы, / Хоть часто круты были грани их / Для слабых сил, для смертных сил моих...» («Горная тропа») [2, с. 112]. Каменная дорога под ногами лирического героя трудна и изнурительна, но это – прочная, надежная почва: она отнимает у человека физические и душевные силы, но никогда не предает, не внушает иллюзий. Путь лирического героя Балтрушайтиса – путь каменистый, суровый, жестокий, не знающий пощады к слабому духом, но лишь такой путь может подарить человеку ощущение полноты бытия и привести его к «светлым высям» Высшей Истины.

Мысль о высоком предназначении поэта звучит и в творчестве К. Бальмонта. Лирического героя его стихотворения «Уходит светлый май...» не страшит возможное одиночество и непонимание толпы, он смело устремляется «путем тернистых бед» с единственной

целью – «усладить хоть чье-нибудь страданье». Для К. Бальмонта истинный творец не только мудрец и учитель, но и человек смелых желаний: «Умей творить из самых малых крох! / Иначе для чего же ты кудесник? / Среди людей ты божества наместник, / Так помни, чтоб в словах твоих был бог» («Умей творить») [4, с. 333]. По мысли Л. Колобаевой, «поэт стремится научить умению хотеть, видя в этом первоисток жизни, ее творящее начало и возможность возрождения современной личности» [9, с. 70].

Образ человека-творца находим мы и в поэтическом наследии Вяч. Иванова. В его стихотворении «Памяти Скрябина» великий русский композитор предстает перед нами могущественным волшебником, магом, способным повелевать стихиями и обновлять мир: «Дух, камень, древо, зверь, вода, огонь, эфир... / Заклятья древние, казалось, узнавались / Им, им одним – и колебали мир...» [8, с. 284]. В этом стихотворении явно слышны отзвуки созданной Вяч. Ивановым теории мифа, согласно которой само символистское искусство в силу своих преобразовательных, «теургических» возможностей приравнивалось мифу.

Образ теурга, пророка создает Ю. Балтрушайтис в стихотворении «Умершему другу», также посвященном памяти А.Н. Скрябина: «И вновь, и вновь лишь в строе звездно-новом, / Воскреснет в людях в каждый вещий час / Пророк, что был для нас небесным зовом / И Вечности отвечивал за нас» [2, с. 209]. Поэт уподобляет великого композитора, человека-творца колоколу, поющему псалмы в «храме вешнем». В данном символе улавливаются отголоски мифологического чувства единения личности с универсумом.

В поэзии М. Цветаевой, как и в творчестве Ю. Балтрушайтиса, тема художника связана с проблемой подлинности бытия.

«Цветаевой присущ горький дар поэта, дар суровости, мужественности: именно мужественным, осененным духовным (мужским) началом видела она творчество, беспроволочный удар по поэту свыше, из дали того света», – отмечает Е. Айзенштейн [1, с. 10].

Человеку-творцу присуще недоступное обычным людям ощущение единения прошлого, настоящего и будущего, которые проходят

через сердце поэта и смыкаются в далеком горнем мире. Поиск гармонии, утерянной человеком, становится единственной целью, поэтической задачей истинного художника: «Планетами, приметами... окольных / Притч рытвинами... Между *да* и *нет* / Крюк выморочит... Ибо путь комет – / Поэтов путь. Развеянные звенья / Причинности – вот связь его! Кверх лбом – / Отчайтесь! Поэтовы затмения / Не предусмотрены календарем» («Поэт») [11, с. 223]. Мысль о всепобеждающей силе творчества звучит в стихотворении «Поэт». Жажда жизни, присущая человеку-творцу, его восторженное восприятие окружающего мира рождает стремление к духовному обновлению и преобразованию. Лирический герой отказывается от внутреннего покоя, душевной уравновешенности, отдавая себя во власть движения, принимая его в свою душу.

В творчестве многих поэтов-символистов тема долга художника, бескорыстного служения искусству во имя преобразования мира ассоциируется с образом огня. Мотив божественного огня, дарующего человеку очищение, обещающего надежду на обретение гармонии, согревающего его в нелегком земном пути, является сквозным и в поэзии Балтрушайтиса. Стихия огня и ее атрибуты присутствуют и в художественном мире М. Цветаевой.

В книге стихов Балтрушайтиса «Земные ступени» образ искры используется как залог и обещание грядущего всеобъемлющего пожара: «Есть искра света в каждой тьме, – / Есть миг свободы и в тюрьме, – / Есть клад и в нищенской суме» («La Gaja Scienza») [2, с. 36]. Лирический герой, только начавший свое нелегкое «восхождение», без труда может представить себя и «кочевой волной», и «искрой в пожаре живом», но непрестанное движение вверх, ставшее для человека единственным источником существования, лишает его иллюзий и отнимает духовный покой. Путь лирического героя лишь изредка освещается «искрой, вырванной из тьмы», но человек упорно устремляется вверх, к далекой мечте, которая дает надежду на избавление от страданий: «Здесь и там – огонь далекий, / Вспыхнув искрой одинокой, / Кротко зыблет мрак ночной... / Как узор в

единой ткани, / Сочетается без грани / Свет небес и свет земной...» («Звездным миром ночь дохнула...») [2, с. 63].

Лирический герой стихотворения Балтрушайтиса «Быстротечность» приходит к пониманию необходимости и неизбежности огня в нем самом. Образ искры символизирует недолговечную земную жизнь человека: «Ярки искры, век их мал! / Взрылся лист, что вихрь сорвал, / Покружился и – упал...» («Быстротечность») [2, с. 123]. По мнению поэта, каждый человек получает возможность разжечь в своей душе огонь из малой искры, но, если он не способен на нравственный подвиг, если он не хочет обжечь свою душу и страшится боли, его жизнь будет подобна краткой вспышке искры, которая не сможет дать окружающим ни тепла, ни света.

Человек в стихотворении Балтрушайтиса «Восхождение» необычайно остро чувствует свою отторженность и от земного мира, и от недостижимого мира гармонии, но огонь творчества, прочно поселившийся в его душе, не позволяет ему роптать и проявлять слабость: «Плеться один безлюдным перевалом, / Из света в свет – сквозь свет от вечных стен... / Неизреченно пламя в сердце малом, / И тайный жар в душе неизречен!» («Восхождение») [2, с. 104].

В стихотворении Балтрушайтиса «Дым», посвященном композитору А. Скрыбину, звучит мысль о возрождающей силе искусства, которое представляется поэту «храмом Жертвы вечной». Истинное творчество дарит бессмертие и самому человеку-творцу. Благодаря искусству предчувствие самой смерти перестает быть тягостным: «Точно зыбкий и ленивый / Бег часов и лет, / Льются синие извивы, / Зыбля тьму и свет... / Миг и век, струя святая / Длит свой ток живой, / Строясь к солнцу, рея, тая, / Слившись с синевою...» («Дым») [2, с. 122].

В стихотворении «Deo Ignoto» Балтрушайтис представляет творческий акт как некое ритуальное убийство в таинственном храме: «Жертву живую / Ведут к алтарю... / В сумрачном храме / Нея ли горю! / Мечется пламя / И блещет, дрожа / Алым пыланьем / На стали ножа» («Deo Ignoto») [2, с. 130]. В данном поэтическом контексте слышна переключка со стихотворением А. Блока «Художник», где

поэт приравнивает творческий акт убийству во имя нового рождения и преображения.

Анализируя особенности поэтики Цветаевой, исследовательница Л. Зубова отмечает: «Культ страсти и очищения высшей степенью страсти нашел в художественном мире Цветаевой свое словесное выражение в формах, выработанных мировой культурой» [7, с. 113]. Тема огня и огненная символика очень важны в творчестве поэтессы: «Что другим не нужно – несите мне: / Все должно сгореть на моем огне! / Я и жизнь маню, я и смерть маню / В легкий дар моему огню» («Что другим не нужно...») [11, с. 344]. Лирическое повествование развивается и идет с нарастанием. Стихотворение звучит как торжественный гимн творческому гению, огню духа, который живет в человеке. Огонь творчества целебен и спасителен для души, он возвышает и уводит человека от всего мелкого и суетного: «Вы ж восстаньте – пепла чище! / Птица – Феникс я, только в огне пою! / Поддержите высокую жизнь мою! / Высоко горю и горю дотла, / И да будет вам ночь светла» («Что другим не нужно...») [11, с. 344]. Весь мир во власти творческого духа поэта, чей голос способен преобразить мировой хаос. Искусство делает временно приходящее вечным, посвящая художника в тайное тайных, помогая ему раскрывать тайны человеческого бытия. Творческий огонь знаменует приход вдохновения, утверждающего бессмертие и высшее значение красоты: «И не страшно нам ложе смертное, / И не сладко нам ложе страстное. / В поте – пишуший, в поте пашущий! / Нам знакомо иное рвение: / Легкий огонь над кудрями пляшущий, – / Дуновение – Вдохновение!» («В черном небе слова начертаны...») [11, с. 656]. Только человек-творец способен услышать вещей голос мироздания. В стихотворении утверждается мысль о бессмертии художника, способного силой духа творить новую жизнь.

Теургическое истолкование поэтического творчества и назначения поэта находят отражение в поэзии Вяч. Иванова, который считал искусство частью веры, приобщающей человека к вечности. Тема художника звучит в стихотворении Вяч. Иванова «На миг», посвященном А.С. Пушкину, истинному гению не только русской, но и

мировой культуры: «О Пушкин! Чистый ключ, огнем запечатленный / Мечей, ревнующих к сынам юдольных стран, – / И плачем вечно мы в тоске неутоленной...» («На миг») [8, с. 93]. Мысль о поэте-наставнике, скитальце с обожженной душой, отмеченном Божественном огнем, созвучна творческому наследию Данте, стремившемуся привести людей к идеальному состоянию, научить их достигнуть счастья в земной жизни и блаженства в жизни будущей.

Отголоски творчества Данте можно найти в поэзии многих символистов. Так, залы «подземного жилища» в одноименной поэме В. Брюсова ассоциируются с кругами ада, через которые проходит герой поэмы. В произведениях Брюсова мы сталкиваемся и с «опаленным ликом» самого Данте, и с Франческой да Римини и Паоло Малатеста, персонажами «Божественной комедии». Данте изучал, пересматривал, пересоздавал и классифицировал морально-этические нормы, воплощая их в кругах Ада. Стихотворение Брюсова «Поэту» звучит как наставление каждому творцу, как напоминание о необходимости следовать нравственным критериям, завещанным Данте: «Всего будь холодный свидетель, / На все устремляя свой взор. / Да будет твоя добродетель – / Готовность взойти на костер...» («Поэту») [6, с. 447].

Образы «жизнь – пламя», «жизнь – костер» есть и в творчестве К. Бальмонта: «Гори же, разгорайся, пока еще ты юн, / Сильней, полней касайся сердечных звонких струн, / Чтоб было, что припомнить на склоне трудных лет, / Чтоб старости холодной светил нетленный свет...» («Свеча горит и меркнет...») [4, с. 52]. Бальмонт уподобляет человеческую жизнь стихии огня, призывая лирического героя достичь полноты существования в упоении самим процессом бытия, в бесконечной смене впечатлений, в готовности отдаваться любым истинам, любым жизненным началам – и добрым, и злым.

В художественном мире Балтрушайтиса огонь также представляется символом высшей жизненной интенсивности, одновременно несущий гибель и рождение, очищение и обновление. В стихотворении «Огненный невод» пламенем охвачен весь пейзаж, и горящей предстает душа человека: «И в сонных гранях тьмы полночной, /

Когда приспееет час урочный, / Змеись к дубраве в тишине, / И встанет дерево в огне...» («Огненный невод») [2, с. 192]. Образ «дерево в огне» символизирует наивысший полет творческого гения человека, состояние, подвластное лишь истинному творцу. Душа художника, сожженная пламенем творчества, бескорыстно отдает свой свет и тепло людям.

Мысль о творческом начале, заключенном в стихии огня, звучит в стихотворении Балтрушайтиса «Жертвенник»: «И на костре, где сердце сожжено, / Средь пыток жертвы понял я не раз, / Что долг огня – единое звено, / В ткань Вечности вплетающее нас» («Жертвенник») [2, с. 199]. По мнению поэта, огонь – символ безграничной свободы, своенравная могущественная стихия, призванная нести обновление через смерть и разрушение. Лирический герой стихотворения Балтрушайтиса «Зимнее раздумье» напряженно вглядывается в окружающее бытие, стараясь увидеть в нем начала целого, уловить самые затаенные его созвучия. Осторожно прислушиваясь к миру вокруг себя, человек ждет от огненной стихии чуда преображения: «Не скоро взмах ответного огнива / Сошьет творенья в пламени одним – / Но в вихре яви сердце искрой живо / И кратким сном...» («Зимнее раздумье») [2, с. 179].

Огонь – и символ жизни, и в тоже время пронзающая, испепеляющая сила, несущая смерть. В поэтическом творчестве Балтрушайтиса образ огня проходит несколько стадий. Пламя, родившееся из малой искры, превращается во всеобъемлющий пожар, охватывающий весь земной мир. В пламя превращается лазурь, «пылает время», и сам человек «охвачен пыткой огневою». Мир погибает в огне, но сюжет о гибели земной жизни дается как сюжет нового рождения: «На великом пепелище / Воскресает майский мир!» («Грохот мига... Тишь столетий...») [2, с. 238]. Огонь отошел, все отодвинулось, замерло в предчувствии нового рождения. Круг замкнулся. Жизненный цикл завершен, но робко тлеющая искра обещает быть залогом новой жизни.

Подведем некоторые итоги. Установлено, что проблему назначения человека Ю. Балтрушайтис решает в духе христианского

мировоззрения. Жизнь лирического героя представляется суровой, аскетичной и духовнонаполненной.

Как видится, духовные поиски лирического героя Балтрушайтиса могут быть соотнесены и с одной из важнейших проблем русской литературы начала XX века – проблемой судьбы личности в потрясенном мире.

Показано, что проблема творчества и нравственного долга художника являются центральными в художественном мире Балтрушайтиса.

Отношение М. Цветаевой к теме художника сближают ее поэзию с творчеством символистов, но образ человека-творца в художественном мире Балтрушайтиса скорее ближе образу романтического поэта, чем лирической героине Цветаевой, для которой высшей ценностью является страсть.

Установлено, что в художественной системе Балтрушайтиса стихией, близкой образу человека-творца, является огонь. Образ теурга и образ огня развиваются параллельно, соединяясь в знаковом для художественного мира Балтрушайтиса образе «дерева в огне», олицетворяющем и самого художника, и полет его творческого гения.

Огонь в поэзии М. Цветаевой является атрибутом поэтического вдохновения. В тоже время огонь представляется разрушительной силой и наиболее интенсивным проявлением жизни, приводящим к ее уничтожению, необходимому ради нравственного очищения.

Развитие образа огня в художественном мире Балтрушайтиса происходит по кругу. Земной путь человека и существование мира заканчиваются в огне, но разразившаяся драма не оставляет и следа. Все уходит, исчезают и жизнь, и движение, но вместе с тем и возникают вновь.

Литература

1. Айзенштейн Е.О. Борису Пастернаку – навстречу! Марина Цветаева: О книге Марины Цветаевой «После России» / Е.О. Айзенштейн. – СПб.: Журнал «Нева», 2000. – 384 с.
2. Балтрушайтис Ю. Дерево в огне / Ю. Балтрушайтис. – Вильнюс: Vaga, 1983. – 319 с.

3. Бальмонт К.Д. Избранное: Стихотворения; Переводы; Статьи / К.Д. Бальмонт. – М.: Худ. лит., 1983. – 750 с.
4. Бальмонт К.Д. Избранное: Стихотворения; Переводы; Статьи / К.Д. Бальмонт. – М.: Худ. лит., 1980. – 742 с.
5. Блок А. Собрание сочинений: в 8 томах / А.А. Блок. – М.-Л.: Гос. изд-во худ. лит., 1960. – Т.1. – 715 с.
6. Брюсов В. Собрание сочинений: в 7 томах / В.Я. Брюсов. – М.: Худ. лит., 1973. – Т.1. – 672 с.
7. Зубова Л.В. Поэзия Марины Цветаевой / Л.В. Зубова. – Ленинград: Издательство Ленингр. ун-та, 1989. – 264 с.
8. Иванов Вяч. Стихотворения и поэмы / Вяч. Иванов. – Л.: Советский писатель, 1978. – 560 с.
9. Колобаева Л. Русский символизм / Л. Колобаева. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 336 с.
10. Максимов Д.Е. Поэзия и проза Ал. Блока / Д.Е. Максимов. – М.: Сов. Писатель, 1975. – 528 с.
11. Цветаева М.И. Сочинения: в 2 томах / М.И. Цветаева. – М.: Худож.лит, 1989. – Т.1. – 567 с.

Анотація

В.В. Щербина. Тема митця у творчості Юргіса Балтрушайтіса та Марини Цветасвої у контексті російської символістської поезії

У статті розглядається специфіка розвитку теми митця та призначення мистецтва у поетичному світі Юргіса Балтрушайтіса та Марини Цветасвої. Показано, що християнське світосприйняття впливає на вирішення проблеми призначення людини у поезії Балтрушайтіса. Життя ліричного героя вбачається суворим, аскетичним та духовно наснаженим. Показано, що проблема творчості, покликання митця є центральними у художньому світі Балтрушайтіса.

Специфіка розвитку теми творчості й трактування образу людини-творця зближує поезію Цветасвої з творчістю символістів. Думка про необхідність готуватися до творчості звучить у багатьох її віршах. У творах Цветасвої натхнення ґрунтується на пристрасті. Ліричний герой Балтрушайтіса усвідомлює необхідність етичного подвигу та прагне до морального вдосконалення.

Розглянуто асоціативну пов'язаність теми митецького покликання з образами вогню й вогненої стихії. Встановлено, що образ вогню є наскрізним

у творах Балтрушайтиса. Стихія вогню інтерпретована як споріднена з душею митця. Ідея обраності справжнього творця переплітається в ліриці Балтрушайтиса та творчості Цветаєвої з мотивом жертвовного самоспалення.

Ключові слова: лірика, тема митця, образ вогню, художня система, поетичний світ.

Аннотация

В.В. Щербина. Тема художника в творчестве Юргиса Балтрушайтиса и Марины Цветаевой в контексте русской символистской поэзии

В статье рассматривается специфика развития темы художника и назначения искусства в поэтическом мире Юргиса Балтрушайтиса и Марины Цветаевой. Показано, что проблему назначения человека Балтрушайтис решает в духе христианского мировоззрения. Жизнь лирического героя представляется суровой, аскетичной и духовнонаполненной. Показано, что проблема творчества, нравственного долга художника являются центральными в художественном мире Балтрушайтиса.

Специфика развития темы творчества и трактовка образа художника сближает поэзию Цветаевой с творчеством символистов. Мысль о необходимости готовиться к творчеству звучит во многих ее произведениях. В художественном мире Цветаевой вдохновение связано со страстью. Лирический герой Балтрушайтиса осознает необходимость этического подвига и стремится к нравственному идеалу.

Рассмотрено ассоциативную связь темы призвания художника с образом огня и огненной стихии. Установлен, что образ огня является сквозным в стихотворениях Балтрушайтиса. Стихия огня представляется родственной душе художника. Мысль об избранности истинного творца переплетается в лирике Балтрушайтиса и творчестве Цветаевой с мотивом жертвенного самосожжения.

Ключевые слова: лирика, тема художника, образ огня, художественная система, поэтический мир.

Summary

V.V. Shcherbina. The of Theme of a Creative Personality in Yurgis Baltrushaitis' and Marina Tsvetaeva's Literary Works in the Context of Russian Symbolist Poetry

The specific character of developing the theme of a creative personality and the purpose of art in Yurgis Baltrushaitis' and Marina Tsvetaeva's poetic world is

taken into consideration in the article. It is shown that the problem of a person's predestination is solved by Baltrushaitis according to the Christian outlook. The lyric character's life is viewed as severe, ascetic and spiritually-contented. It is shown that the problems of creative work, moral duty are the central in Baltrushaitis' artistic world.

The peculiarities of developing theme of creative work and understanding of creator's image in Tsvetaeva's poetic world have much in common with the symbolist poetry. The idea as for the necessity to prepare to the creative work can be heard in many of her poems. In Tsvetaeva's poetic world inspiration is connected with passion. Baltrushaitis' lyric character realizes the necessity of moral deeds and aspires for spiritual perfection.

The associative connection between the theme of a creative personality and image of fire is taken into consideration. It is proved that image of fire is frequent in Baltrushaitis' poems. The element of fire is viewed to be allied with a creator's soul. The idea of creator's unusual personality is connected in Yurgis Baltrushaitis' and Marina Tsvetaeva's poetic world with the theme sacrificial self-burning.

Key words: lyrics, theme of creative personality, image of fire, artistic system, poetic world.

Інформація про автора

Щербина Вікторія Володимирівна – ORCID: 0000-0002-2717-3855, кандидат філологічних наук, доцент кафедри філології, перекладу та мовної комунікації Харківської Національної академії Національної гвардії України; пл. Повстання, 3, м. Харків, 61001, Україна